

Взгляд - 1997 -
Лёлик и К^о
Занр - 42
 реанимировали театр,
 похороненный
 под **"Золотой маской"**

10-летие театра Олега Табакова. Дом актера

ФОТО МИХАИЛА ГЕРМАНА

Если на церемонии вручения "Золотой маски" мучительно и нелепо пытались похоронить и сам театр, и XX век, то в Доме актера можно было похоронить что угодно — тоску, скуку, вечные проблемы и проклятые русские вопросы, но только не театр.

Степовала с каким-то восточным красавцем роковая проказница Евдокия Германова. Вещал своим скорными пьесами, разбавленными на боевом посту жаренками, цыпленок Табака самого первого призыва Виктор Шендерович. Царил на сцене единый в трех лицах (Ельцина, памятника Пушкину и памятника Есенину) Сергей Безруков: пригубил шампанского от Пушкина, дерябнул водочки от Есенина и умчался домой паковать чемоданы, чтобы завтра со своим прогремевшим Есениным улететь в Америку. А когда объявили Сергея Стадлера и публика приготовилась встретить все того же Безрукова со скрипкой, на сцене появился настоящий Стадлер и выдал Шостаковича и Прокофьева. Причисленный к лику кукол Лелик (так в пору раннего Современниковъ звали Олега Павловича, дабы не перепутать его с Олегом Николаевичем) в матроске голосом все того же Безрукова залихватски убеждал зал, что все, мол, что было под именем Петра Фоменко, это он, Табаков, поставил. Он не хотел ставить, но его так просили: "Ну, миленький, по-

жалуйста, поставь что-нибудь", и он за один вечер взял да и поставил все спектакли. А еще он с Трушкиным на дружеской ноге и когда спрашивает: "Ну что, брат Трушкин?", тот отвечает, как и положено по тексту: "Да так, брат, как-то все". (Ах, каким Хлестаковым был, наверное, Олег Павлович в пражском "Ревизоре". Чехи устраивали ему десятиминутные овации, а потом и революцию устроили, и в результате Москва так и не увидела табакковского Хлестакова). Аспиранты Американской студии МХАТ ("Зачем приехал в наши Штаты, зачем нарушил наш покой?"), мужественно выслушав откровения "Ельцина" про хромого Билла, доказали россиянам, что они тоже шиты не лыком, а серебряными нитями высокой театральной культуры и публику заразить еще как умеют. Сам мэтр был торжественен, иронично-печален и привычно шаловлив. Попросил, чтобы на 25-летии театра в случае его отсутствия на сцене обязательно бы стоял старший Антон с младшим Павликом на руках (если удержит). Не упустил возможность своих прославленных "цыплят": "Помните добро, сделанное вам, и при случае возвращайте". И заверил, что, если бы ему не платили за актерство, он бы сам приплачивал за возможность играть. Немного, правда, тысяч пятьдесят.

Ольга ФУКС.